

Т. М. Дубах

ПАРАЛЛЕЛИ ПСИХОАНАЛИЗА В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ И ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ГУГО ФОН ГОФМАНСТАЛЯ

69

Зигмунд Фрейд и Гуго фон Гофмансталь относятся к числу самых значимых представителей мировой культуры начала XX в., в одинаковой степени откликнувшейся на импульсы со стороны науки и искусства. Творчество австрийского поэта, драматурга и прозаика Гофмансталя является ярким образцом такого симбиоза. Уцелевшая библиотека писателя, его письма к другим видным деятелям культуры того времени (Артуру Шницлеру, Герману Бару, Карлу Буркхарду, Эрнсту Хладны и др.), а также воспоминания о нем (Рудольф Касснер) констатируют интерес Гофмансталя к психологии, психиатрии и психоанализу, а его многочисленные художественные произведения обнаруживают параллели с открытиями Фрейда. Так, психограмма персонажей Гофмансталя выявляет сходства с законами функционирования психики, открытыми великим австрийским ученым. Героями Гофмансталя управляют бессознательные мотивы, которые могут не только идти вразрез со здравым смыслом, но и толкать к саморазрушению («Сказка 672-й ночи», «Электра» и др.). Сны зачастую служат оракулом подсознания, рассказывающим о латентных желаниях героев. Кроме того, самоидентичность героев Гофмансталя, как и пациентов Фрейда, лишена целостности. Они не в состоянии воспринимать себя гармонично сформированной личностью, равно как и определить четкую границу между реальным миром и миром грез и сновидений. «Расколота» самоидентификация получает отражение на речевом уровне, что демонстрирует герой рассказа «Письмо», констатирующий свою неспособность мыслить и говорить связно.

Sigmund Freud and Hugo von Hofmannsthal are among the most important representatives of the world culture of the beginning of the 20th century, which was equally influenced by science and arts. The creative work of the Austrian poet Hofmannsthal, also a dramatist and a writer, is a good example of this kind of symbiosis. The remaining part of Hofmannsthal's library, his letters to other cultural influencers (Arthur Schnitzler, Hermann Bahr, Carl Burckhardt, Ernst Chladni) and the memories of him (Rudolf Kassner) refer to Hofmannsthal's interest in psychology, psychiatry and psychoanalysis, and many of his literary works allude to Sigmund Freud's findings. The psychograms of the protagonists in his works resemble the types of psyche similar to the ones described by Sigmund Freud. Hofmannsthal's characters are driven by instincts, which are irrational and often lead to self-destruction («Das Märchen der 672 Nacht», «Elektra»). Their dreams disclose the subconscious and the hidden wishes better than the protagonists themselves. The self-identification of Hofmannsthal's characters and Freud's patients is fragmented. They can neither identify themselves as an integrated personality nor tell the difference between reality and the dream world. This fragmentation is reflected in the language of his characters, as it is seen in the case of the protagonist in the short story «Der Brief», who can neither think, nor speak logically.

Ключевые слова: венский модерн, психоанализ, сон, бессознательное.

Keywords: Vienna Modernism, psychoanalysis, dream, the subconscious.

Известно, что именно Вена открыла миру мистерию бессознательного, исследование которого шло параллельно в научном и художественном дискурсах¹. Согласно авторитетной оценке Э. Канделя, это открытие ознаменовало наступление третьей, самой масштабной по значимости революции. Первая была инициирована в XVI в. Н. Коперником и сделала очевидным то, что Земля не является центром вселенной. Вторая, дарвинистская революция XIX в., доказала, что человек не создан по божественному образу и подобию, а представляет собой результат селекции. Третья, так называемая фрейдистская революция около 1900 г. [18, S. 34], ознаменовала прорыв иррационального.

Как в зарубежном, так и в отечественном литературоведении сложилась традиция сопоставления психиатра Фрейда с его «двойником», драматургом и прозаиком А. Шницлером. Вместе с тем Шницлер не является единственным репрезентантом литературы венского модерна, которого можно рассматривать в русле теории психоанализа. Другим ярким примером взаимопроникновения литературного и психологического дискурсов является жизнь и творчество австрийского поэта, драматурга и прозаика Г. фон Гофмансталя.

Для раскрытия особенностей этого взаимопроникновения обратим внимание не на собственно литературные тексты, а на переписку и воспоминания Гофмансталя. Правда, в науке сложилось убеждение, согласно которому письма Гофмансталя к современникам не могут рассматриваться как эстампы его внимательного отношения к психоанализу. Мы не разделяем данную точку зрения. Представляется неоспоримым, что для глубокого изучения «художественной вселенной» автора необходимо проникнуть как в собственно литературный, так и во «вне-литературный» дискурс.

В многочисленных письмах, эссе и воспоминаниях находит подтверждение тот факт, что Гофмансталь был знаком с работами Фрейда. К примеру, в письме к Г. Бару, которое было впервые опубликовано в сборнике писем в 1937 г. и датировано его издателями маем 1904 г., Гофмансталь просит Бара одолжить ему на пару дней «книгу Фрейда и Брейера об исцелении истерии путем освобождения подавленных воспоминаний» [16, S. 105–106]. Упоминание о труде Фрейда и Брейера содержится также в письме Гофмансталя к Э. Хладны, в котором автор

¹ Как подчеркивает Кандель, Фрейд не был первым, кто задумывался о бессознательных процессах: на протяжении нескольких столетий философы задавались этим вопросом. Уже в IV в. до Р.Х. Платон указывал на то, что большая часть знания дремлет в психике индивида. В XIX в. Шопенгауэр и Ницше писали о неосознанных влечениях. Художники и поэты во все времена занимались изображением мужской и женской сексуальности. Гельмгольц, великий физик и психолог XIX в., оказавший влияние на Фрейда, разработал теорию о том, что бессознательное играет центральную роль при визуальном восприятии других индивидов. Среди всей плеяды ученых и философов Фрейд и интеллектуалы венского модерна завоевали особое положение благодаря их успешному стремлению развивать и углублять эти идеи, облачив их в когерентный язык [18, S. 35].

раскрывает подробности создания образа трех женщин: они возникли одновременно как оттенки «интенсивного и жуткого цветового тона». И хотя Гофмансталь не признает влияния какого-либо источника на появление этих героинь, он отмечает, что в это время пролистывал освещающие изнаночную сторону души (в определении Гофманстала «ночную сторону») штудии по истерии [14, S. 109].

Именно к фрейдистскому пониманию бессознательного апеллировал Гофмансталь в ответном письме к Шницлеру, когда пытался объяснить свою не лишённую двусмысленности фразу о том, что хотел забыть в поезде шницлеровский роман «Путь на волю». Объяснения базируются на категории «бессознательного» и сводятся к тому, что Гофмансталь испытал антипатию к герою книги, которую и перенес на саму книгу. Негативное отношение осело в его подсознании и проявилось в желании избавиться от книги [12, S. 110].

Несомненно, общую область интересов Фрейда и Гофманстала составлял феномен сновидения. В русле интереса к теме «жизнь — сон» Гофмансталь в письме к Бару 1904 г. высказывает свое желание проникнуть в глубины «пещерного королевства Я», чтобы обнаружить в нем «больше не я (Nicht-mehr-ich)» [15, S. 108]. Труд известного психолога должен был послужить спутником в данном погружении.

Эссе «Габриеле Д'Аннунцио» также обнаруживает точки соприкосновения с теорией психоанализа. В нем автор выделяет две основные переменные жизни индивида начала XX в. В единый ранг он возводит такие зеркальные, на первый взгляд, понятия, как «саморефлексия и фантазия», «собственное отражение» и образ, нарисованный воображением-мечтой («Traumbild»). Описание парадигмы современного, которое автор усматривает не только в «расщеплении атомов», но и в «разложении одного витка настроения, одного вздоха или угрызения совести» [11, S. 105], коррелирует с провозглашенной психоанализом эрой самопознания и исследования внутренней вселенной индивида.

Интересно отношение Гофманстала к психоанализу, которое произвел Р. Касснер. Согласно воспоминаниям последнего, Гофмансталь не высказывался прямо ни за, ни против психоанализа, но подчеркивал, что «явления, открытые психоанализом, давно были известны им, писателям и поэтам» [10, S. 106].

Данная мысль находит повторное отражение во второй из пяти статей, которые Гофмансталь подготовил для американского литературного журнала *The Dial*. Кажется, что писатель разгадал гений Фрейда. «В нем есть интуиция, — пишет Гофмансталь, — которая дала ему ключ к целому комплексу тайных и скрытых процессов» [17, S. 113]. Однако Фрейд не является единственным обладателем этого ключа. Доступ к тайнам человеческой души во все времена принадлежал поэтам, но их природа запретила использовать данное знание в ином русле / смысле, нежели «проповедническом, скрытом и эзотерическом» [13, S. 113]. Этот тезис находит прямое отражение в понимании Гофмансталем исключительной роли, миссии поэта.

Очевиден интерес Гофмансталя не только к трудам Фрейда / теории психоанализа, но и к психологии / психиатрии в целом. В письме к Бару он упоминает о психиатрической штудии Рибо *Maladies de la personnalité* («Болезни личности»). Кроме того, внимание автора привлекала и фигура К. Г. Юнга, тесно связанного с Фрейдом. В письме к К. Буркхарду от 20 января 1929 г. Гофмансталь дает рецензию на труды швейцарского психиатра. «Он не является мастером в изображении, то собственно художественное, что так необходимо при описании данных предметов, не его сильная сторона, но он умен, пишет интересные труды... и открыт для многого» [14, S. 121].

Восприимчивость Гофмансталя к идеям психоанализа была замечена самим Фрейдом. В одном из интервью он сказал: «Томас Манн и Гуго фон Гофмансталь обязаны нам многим» (цит. по: [22, S. 104]). Однако о личной встрече этих двух выдающихся деятелей культуры нет никаких сведений. В культурной жизни они были достаточно близки, в частности, имели общих знакомых. В этом смысле укажем на поэта А. фон Винтерштейна, ученика Фрейда. Известно, что в 1924 г. Винтерштейн высылал Гофмансталю свои очерки о происхождении греческой трагедии, а за год до этого — сочинение «К истории возникновения греческой трагедии» ограниченного издания, экземпляр которого с авторскими пометками на полях сохранился в библиотеке Гофмансталя [22, S. 101].

В большей степени уцелевшая библиотека Гофмансталя также выступает неоспоримым доказательством многолетнего неистощающего интереса автора к психологической литературе. В ее фондах находятся такие фундаментальные труды, как «Очерки об истерии», «Толкование сновидений», «Психопатология обыденной жизни», «Психология масс и анализ человеческого», «Я и оно», «По ту сторону принципа удовольствия» Фрейда, «Метаморфозы и символы либидо» Юнга, «Практика и теория индивидуальной психологии» А. Адлера, «Проблема мистицизма и его символизма» Г. Зильберера и др. Что примечательно, в библиотеке представлены первые издания вышеперечисленных трудов, а их страницы изобилуют пометками на полях и комментариями владельца [22, S. 101].

Таким образом, представляется очевидным, что Гофмансталь черпал знания о психоанализе не только из книг, но также из личных контактов с современниками. Письма и беседы Гофмансталя содержат прямые и косвенные указания на его пристальное внимание как к самому психоанализу, так и к его частным темам: сновидению, бессознательному и т. д.

Давно замечено, что творчество Гофмансталя обнаруживает параллели с психоанализом. Еще в 1969 г. один из ведущих зарубежных исследователей творчества Гофмансталя К. Эссельборн (*Hofmannsthal und der antike Mythos*, 1969) не только помещает в одну исследовательскую плоскость произведения писателя и античные мифы — ключевые культурологические коды теории психоанализа, но и вводит по отношению к автору термин в психоаналитической стилистике: «ремарки-психо-

граммы» (Esselborn, 1969). Психологический аспект творчества Гофманстала так или иначе характеризуется в работах отечественных ученых: А. В. Елисеевой, Ю. Л. Цветкова, Т. А. Шарыпиной и др. [1–3].

Одной из многочисленных областей взаимопроникновения литературного и психологического дискурсов является феномен сновидения, на весомое значение которого указывал сам Гофмансталь: «Я говорю сну: "Останься со мной, стань явью!" — и говорю действительности: "Будь сном, исчезни!"» [8, S. 8]. Рассказы *Das Märchen der 672 Nacht* («Сказка 672-й ночи»), *Reitergeschichte* («История о всаднике») и др. — бесспорный апогей в сближении литературного модерна со своеобразной логикой и таинственным образным языком сновидения. Зачастую в них наблюдается растворение границ «между внешним и внутренним, вещью и человеком, сном и явью, что подтверждает финальная строка стихотворения Гофманстала от 1894 г.: «И три слились в одно: человек, вещь, сновидение» [9, S. 80].

В произведениях Гофманстала взаимопроникновение грез, снов и реальных событий оказывается таким плотным, что интерпретатору бывает трудно провести четкие линии их разграничения. Затруднения читателя сродни сложностям Андреаса из одноименного неоконченного романа Гофманстала, который, вероятно, уже не в состоянии понять, что для него реальнее — воображаемое или происходящее в действительности: «Он знал, что видел сон, но правда в сновидении пронзила его счастьем до последней жилы. Душа Романы дала знать о себе жизнью, которая парила над реальностью. В нем или вне его, он не мог потерять ее. Он знал, нет, он верил, что она была здесь» (перевод наш. — Т. Д.) [6, S. 30].

М. Оросц подчеркивает обыкновение поэтов венского модерна — и Гофмансталь здесь не является исключением — изображать «альтернативные состояния сознания», к которым германист относит сновидение и воспоминание, приобретающие в литературе рубежа веков статус структурообразующих конструктов. Другим вариантом проявления «альтернативного состояния» сознания является, согласно М. Оросц, «раскол личности» героя. Здесь речь может идти как о традиционных двойниках, например, в *Reitergeschichte* («История о всаднике»), так и о «двойниковообразных сюжетных конфигурациях» [20, S. 147–148]. Проблема идентичности записей Марии — Мариквиты из романа *Andreas* («Андреас») раскрывается через изображение двойников внутри расколотого «Я». Одна часть личности («дама») обладает сублимированными желаниями и освобождена от бремени чувственной любви, другая («кокетка») отличается неосознанными и инстинктивными порывами. Сам Андреас также предстает раздвоенной фигурой. Пара Андреас — Готтхельф аналогична паре Мария — Мариквита, чья «двойниковость» может быть понята как «взаимное превращение» или «превращение через другого» [21, S. 680–693].

Лишенное целостности «Я» обнаруживается и в рассказе Гофманстала *Ein Brief* («Письмо»). Кризис идентичности получает двойное ко-

дирование, выходя на уровень речи. Протагонист рассказа — лорд Чэндос — обнаруживает у себя симптомы странной болезни. Он констатирует свою неспособность не только мыслить связно, но и облекать свои мысли в языковую оболочку: «Мой случай, если быть кратким, заключается в следующем: у меня полностью пропала способность думать или говорить о чем-нибудь связно... абстрактные слова, которые язык совершенно естественным образом должен использовать, чтобы высказать какое-либо суждение, развалились у меня во рту, как гнилые грибы» (перевод наш. — Т. Д.) [7, S. 102].

Взаимопроникновение психологического и художественного дискурсов обнаруживают также драмы Гофманстала «Электра», «Эдип и Сфинкс» и др. Они психологизируют материю мифа, перемещая движущие силы происходящего из метафизических сфер анонимного рока в область внутренних переживаний, желаний и инстинктов героев. Особого внимания заслуживает танец Электры, в водоворот которого она попадает после убийства матери и ее возлюбленного, а затем умирает. Женщины, по Д. Киммих, в большей степени, чем мужчины, погружены в эмоционально-чувственный и опасный мир: женский эрос и сумасшествие связаны. Танец Электры может также прочитываться как код теории вытеснения, где танец — это отчаянная попытка героини забыть о случившемся [19, S. 20].

Таким образом, понимание объекта изображения у Гофманстала коррелирует с тем пониманием индивидуума, которое предлагает Фрейд. Взрослый, успешно социализированный человек, по Фрейду, это все еще невротический индивид, который заплатил за контроль своего либидо более или менее признанными в обществе болезнями. Его внутренний мир, как справедливо отмечает Ю. Л. Цветков, зачастую скрыт для постороннего глаза маской, игрой или языковой эквилибристикой [2]. И хотя Гофмансталь не ставит своим героям диагнозы, они представляют собой яркий образец такого невротического типа личности.

Фрейд с позиции психоанализа, а Гофмансталь в плоскости литературных произведений открыли под элегантным внешним обликом индивида спрятанные бессознательные импульсы, направленные не только против собственной персоны, но и против других людей (Фрейд позднее окрестит этот темный импульс «Todestrieb» влечением / стремлением к смерти). Бессознательное имеет обыкновение прорываться на поверхность в снах, которые благодаря своей яркости и убедительности зачастую приобретают для литературных героев статус реальности.

Фрейд и Гофмансталь подняли на поверхность тот факт, что поведение человека управляется подсознательными конфликтами, столкнув тем самым конвенциональное и модернистское мышление. В поиске закономерностей, которым подчиняется природа человеческой индивидуальности, оба автора придавали большое значение не только наблюдению за другими, но и анализу собственных мыслей и чувств, возводя интроспекцию в способ познания окружающего мира.

Список литературы

1. Елисеєва А. В. Творчество Гуго фон Гофмансталя: ранний период : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005.
2. Цветков Ю. Л. Литература венского модерна : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003.
3. Шарыгина Т. А. История зарубежной литературы XX века. М., 2009.
4. Esselborn K. G. Hofmannsthal und der antike Mythos. München, 1969 // Google Books : [интернет-библиотека]. URL: books.google.ru (дата обращения: 30.09.2018).
5. Breuer J. Freud S. Studien über Hysterie. Bremen, 2012.
6. Hofmannsthal H. v. Andreas oder die Verbündeten. Berlin, 2014.
7. Hofmannsthal H. v. Ein Brief // Hofmannsthal H. v. Das Märchen der 672. Nacht. Das erzählerische Werk. Berlin, 1999. S. 98 – 110.
8. Hofmannsthal H. v. Für mich... // Großstadtlyrik. Stuttgart, 19996. S. 8.
9. Hofmannsthal H. v. Terzinen III // Hofmannsthal H. v. Die Gedichte 1891 – 1898. Die Gedichte 1924. Berlin, 2014. S. 80.
10. Hofmannsthal H. v. Aus den Erinnerungen Rudolf Kassners // Psychoanalyse in der literarischen Moderne. Eine Dokumentation. Einleitung und Wiener Moderne. Marburg, 2006. Bd. 1. S. 106 – 107.
11. Hofmannsthal H. v. Gabriele d'Annunzio // Psychoanalyse in der literarischen Moderne. Eine Dokumentation. Einleitung und Wiener Moderne. Marburg, 2006. Bd. 1. S. 105.
12. Hofmannsthal H. v. Hugo von Hofmannsthal an Arthur Schnitzler (7. November 1910) // Psychoanalyse in der literarischen Moderne. Eine Dokumentation. Einleitung und Wiener Moderne. Marburg, 2006. Bd. 1. S. 110.
13. Hofmannsthal H. v. Hugo von Hofmannsthal an Carl J. Burckhardt (20. Januar 1929) // Psychoanalyse in der literarischen Moderne. Eine Dokumentation. Einleitung und Wiener Moderne. Bd. 1. Marburg, 2006. S. 121 – 122.
14. Hofmannsthal H. v. Hugo von Hofmannsthal an Ernst Hladny (verm. 1910) // Psychoanalyse in der literarischen Moderne. Eine Dokumentation. Einleitung und Wiener Moderne. Bd. I. Marburg, 2006. S. 109.
15. Hofmannsthal H. v. Hugo von Hofmannsthal an Hermann Bahr (1904) // Psychoanalyse in der literarischen Moderne. Eine Dokumentation. Einleitung und Wiener Moderne. Marburg, 2006. Bd. 1. S. 108.
16. Hofmannsthal H. v. Hugo von Hofmannsthal an Hermann Bahr (verm. 1902) // Psychoanalyse in der literarischen Moderne. Eine Dokumentation. Einleitung und Wiener Moderne. Marburg, 2006. Bd. 1. S. 105 – 106.
17. Hofmannsthal H. v. Zweiter Brief aus Wien (Oktober 1922) // Psychoanalyse in der literarischen Moderne. Eine Dokumentation. Einleitung und Wiener Moderne. Marburg, 2006. Bd. 1. S. 113 – 117.
18. Kandel E. Die Erforschung des Unbewussten in Kunst, Geist und Gehirn von der Wiener Moderne bis heute: aus dem amerikanischen Englisch von Martina Wiese. München, 2012.
19. Kimmich D. Psychologie, Psychoanalyse, Hysterie und Adoleszenz // Hofmannsthal. Handbuch. Leben – Werk – Wirkung. Stuttgart. Metzler, 2016. S. 19 – 22.
20. Orosz M. Das fremde Eigene. Identität und Identitätssuche in der Literatur der Jahrhundertwende // Kakanien revisited. Das Eigene und das Fremde in der österreichisch-ungarischen Monarchie. Tübingen, 2002. S. 137 – 157.
21. Pape M. Aurea Catena Homeri. Die Rosenkreuzer-Quelle in Hofmannsthals Andreas // Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte. Stuttgart, 1975. S. 680 – 693.

22. *Pfohlmann O.* Hugo von Hofmannsthal // Psychoanalyse in der literarischen Moderne. Eine Dokumentation. Einleitung und Wiener Moderne. Marburg, 2006. Bd. 1. S. 101–105.

Об авторе

Татьяна Михайловна Дубах — канд. филол. наук, доц., Уральский государственный педагогический университет, Россия.

E-mail: romt2@list.ru

The author

Dr Tatiana M. Dubach, Associate Professor, Ural State Pedagogical University, Russia.

E-mail: romt2@list.ru